

О НОВОЙ РЕДАКЦИИ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Зацепин

В новой редакции остались в целом неизменными актуальные положения российской Военной доктрины, однако из ее текста исключены задачи оптимизации расходов на оборону, рационального планирования и распределения финансовых и материальных ресурсов, что усиливает риски в планировании государственной программы вооружения на 2016–2025 гг. Невозможность макроэкономического прогнозирования в современных условиях более чем на 1–2 года требует введения механизма официального ежегодного пересмотра этой программы.

26 декабря 2014 г. на сайте Кремля опубликована уточненная по решению Совета Безопасности (СБ) России от 5 июля 2013 г. новая редакция Военной доктрины (ВД) Российской Федерации (РФ)¹, разработанная межведомственной рабочей группой при аппарате СБ². Новая редакция была рассмотрена и одобрена 19 декабря прошлого года на оперативном совещании СБ под руководством президента РФ. И хотя в информационном сообщении СБ в связи с этим событием отмечено, что: «Актуальные положения действующей Военной доктрины остались неизменными и в ее новой редакции»³, внесенные в этот документ изменения заслуживают внимания.

Изучение этих изменений путем постатейного сопоставления текстов новой (далее – ВД-2014) и предыдущей, утвержденной 5 февраля 2010 г. Д. Медведевым⁴ (далее ВД – 2010), редакций Военной доктрины РФ подтверждает их «генетическое родство», а также позволяет составить некоторое представление о мотивах редакторского коллектива.

Прежде всего, в результате редактирования ВД сокращен текст ряда статей (ВД-2010: I.1, I.2 и др.), что облегчило его чтение в ряде мест, однако при этом из текста исчезла такая важная задача военно-экономического обеспечения обороны как

«оптимизация расходов на оборону, рациональное планирование и распределение финансовых и материальных ресурсов» (ВД-2010: IV.39б). Указание в новой редакции (ВД-2014: IV.44а) на необходимость «концентрации ее [страны] финансовых и материально-технических ресурсов, повышения эффективности их использования» представляется неадекватной заменой и выглядит как попытка СБ избавиться от упоминания самого факта существования бюджетных ограничений для военной организации даже на бумаге.

В новой редакции исправлена (ВД-2014: IV.49) тавтология «мобилизационное и стратегическое развертывание» (ВД-2010: IV.43, 2-й абзац), но в то же время в число основных внешних военных опасностей для РФ оказалась включена «угроза глобального экстремизма» (ВД-2014: II.12к), хотя и «растущая», но тем самым размывающая и так очень нечеткую грань между *военной опасностью* (ВД-2014: II.8б, II.8в) и *военной угрозой* (ВД-2014: II.8в).

Число внешних военных опасностей в новой редакции возросло с 11 до 14 за счет добавления использования не по назначению информационно-коммуникационных технологий (ВД-2014: II.12м), угрожающих «режимов» в соседних странах (ВД-2014: II.12н) и подрывной деятельности заграничных спецслужб (ВД-2014: II.12о). Это, в общем-то, не удивительно, так как оценка СБ тенденций в международной обстановке сменила свой знак с достаточно нейтральной (ВД-2010: II.7) на негативную (ВД-2014: II.9), характеризующуюся, по его оценке, «усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений». Безус-

1 Военная доктрина Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 26.12.2014).

2 Совбез РФ: к концу 2014 года Россия уточнит военную доктрину // РИА Новости. 2014. 2 сентября. URL: <http://ria.ru/interview/20140902/1022334103.html> (дата обращения: 02.09.2014).

3 Об итогах оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации по вопросу «О внесении уточнений в Военную доктрину Российской Федерации». 20 декабря 2014. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/838.html> (дата обращения: 21.01.2015).

4 Военная доктрина Российской Федерации. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 29.12.2014).

ловно, можно не соглашаться с подобным мнением, но способность редакторов сказать одно и то же разными словами нельзя не оценить.

Перечень внутренних военных опасностей увеличился с 3 до 4 при добавлении в него деятельности «по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны», имеющей «целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества» (ВД-2014: II.13в). К счастью, *военные угрозы для РФ* (ВД-2014: II.14а–II.14д) остались практически неизменными как по количеству (5), так и по своему содержанию, что, однако, не может не удивлять на фоне упомянутых выше изменений в международной обстановке и размножения военных опасностей. К тому же, к основным задачам Вооруженных сил, других войск и «органов» в мирное и военное время (ВД-2014: II.32–34) упомянутые новые военные опасности и угрозы не имеют никакого отношения.

Наряду с уже традиционным указанием на усиление военных опасностей для РФ «на ряде направлений» (ВД-2010: II.7, ВД-2014: II.11) в новой редакции сделан вывод о наметившейся тенденции «смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации». В связи с отсутствием среди основных понятий ВД (ВД-2014: I.8а–I.8н) таких как «информационное пространство» и «внутренняя сфера», об эффекте для обороны страны от указанного смещения можно только судить.

В указанный перечень основных понятий в качестве одного из нововведений уточненной редакции и распространенных СМИ¹, добавлено определение системы *неядерного сдерживания* (ВД-2014: I.8н) как комплекса «внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами». Так как определения *ядерного сдерживания* среди основных понятий нет ни в старом, ни в новом текстах ВД, то насколько эта новация уточнила что-либо, судить трудно, равно как и понять, – к чему относятся указанные «неядерные средства» – то ли к «агрессии», то ли к «предотвращению».

По-прежнему в ВД сохранено (ВД-2010: III.22, ВД-2014: III.26) сомнительное положение о намерении применять высокоточное оружие в «рамках выполнения мероприятий стратегиче-

ского сдерживания силового характера», т. е. о праве на *превентивный удар* высокоточным оружием, что размывает грань между обычной и ядерной войной.

Также следует отметить усилия авторов новой редакции по изменению места и роли мобилизации в ВД. Во-первых, в перечень основных понятий была добавлена «мобилизационная готовность Российской Федерации» (ВД-2014: I.8м). Во-вторых, «поддержание мобилизационной готовности экономики Российской Федерации, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций» появилось в перечне основных задач РФ по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов (ВД-2014: III.21д). И в-третьих, подраздел «Мобилизационная подготовка экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций» из IV-го раздела «Военно-экономическое обеспечение обороны» (ВД-2010: IV.47–IV.48) переместился в III-й раздел «Военная политика Российской Федерации» в качестве подраздела «Мобилизационная подготовка и мобилизационная готовность Российской Федерации» (ВД-2014: III.40–III.41) вместо существовавшего ранее подраздела «Военное планирование» (ВД-2010: III.35–III.37). Следует отметить, что одновременно ВД избавилась не только от упоминания о военном планировании, но и от необходимости разработки мобилизационных планов (ВД-2010: IV.48г). Исчезновение же подраздела «Военное планирование», вероятно, вызвано задержкой с разработкой «новой, уточненной редакции» упомянутого в предыдущей версии ВД (ВД-2010: III.37) Положения о военном планировании в РФ².

Остальные приобретения новой редакции ВД – упоминание в ней Арктики, стран БРИКС, Южной Осетии и Абхазии и даже формирование территориальных войск (ВД-2014: III.39з) в дополнение к упоминавшейся и прежде территориальной обороне – вряд ли компенсируют ликвидацию из пункта о военной политике (ВД-2010: III.17, ВД-2014: III.18) такого ее немаловажного направления как «недопущение гонки вооружений».

Разработчикам государственной программы вооружения на 2016–2025 гг. предстоит выполнить требование президента В. Путина учесть положения новой редакции ВД³. Однако в современных экономических условиях очевидна абсолютная

1 См., например: Еленский О. Жесткий стиль «исключительно оборонительной» доктрины // Независимое военное обозрение. 2015. 23–29 января (№ 2). С. 1,8. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-01-23/1_doctrina.html (дата обращения: 23.01.2015).

2 Заседание Совета Безопасности: Стенограмма. М., 13 июля 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18529> (дата обращения: 27.01.2015).

3 Заседание Военно-промышленной комиссии. Ново-Огарево, 20 января 2015. URL: <http://state.kremlin.ru/commission/41/news/47493> (дата обращения: 23.01.2015).

нежизненность существующего формата¹ государственной программы вооружения — невозможность прогнозирования более чем на 1–2 года требует введения механизма официального ежегодного пересмотра этой программы (по примеру развитых стран)². В ином случае негибкие военные

1 10-летняя глубина планирования с шагом в 5 лет.

2 См., например: The Defence Equipment Plan 2014 (Великобритания). URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/396102/20150112-EP_Plan_Document-Final_OS_to_PDF_version-2-1.pdf (дата обращения: 23.01.2015).

планы могут пустить под откос и российскую экономику.

Безусловно, при анализе ВД как документа следует помнить, что она является лишь видимой, а вернее, специально демонстрируемой частью айсберга. Не стоит как недооценить, так и переоценить ее значение. Несомненно, публикация новой редакции ВД – это сигнал внешнему миру, но еще более серьезным сигналом являются реальные действия. ●